

Ю.Я. Вин

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ
В ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ (XIII — XV вв.)

Воззрения ученых на природу сельской общины столь же многообразны, сколь неодинаковы известные нам ее формы. Это утверждение прежде всего относится к средневековой сельской общине. Ее изучение на современном этапе развития исторической науки¹ позволяет видеть в сельской общине организацию жителей деревни, объединяющую их на основе родства, свойства и соседства для регулирования социально-экономических (включая производственные и податные связи), культурно-бытовых и идейно-духовных отношений своих членов благодаря формированию психологической общности между ними. Именно такую фабулу, по нашему мнению, должен принимать вопрос и о сельской общине в Византии. Следует, однако, подчеркнуть, что наибольшие трудности вызывает изучение сельской общины поздневизантийского периода, представляющее в прямом смысле слова сложную и спорную проблему. Успешность ее дальнейшего исследования во многом зависит от ответа на ключевой вопрос аграрного строя поздней Византии — о социальной структуре ее сельского населения. Этот вопрос сам по себе рассматривается автором лишь в той мере, которая позволяет раскрыть существо поставленной в названии статьи задачи изучения социальной структуры поздневизантийской сельской общины. Большинство византинистов — отечественных и зарубежных — видели социальный базис сельской общины в свободном крестьянстве². Поиски принципиального решения этого вопроса вылились в дискуссию о сохранении свободного крестьянства в поздней Византии³. В первую очередь, внимание исследователей было обращено к крестьянству. Но сельское население поздневизантийской деревни включало различные социальные группы.

Несомненно, основная масса крестьянства поздней Византии находилась в парической зависимости⁴. Как показала К.В. Хвостова, природа парикии по мере

© Ю.Я. Вин, 1998

¹ См.: Вин Ю.Я. Концепция средневековой сельской общины в отечественной историографии середины 60 — 80-х годов: (Постановка проблемы) // Основные тенденции исторического процесса под воздействием научно-технической революции. М., 1992. С. 64—90.

² Идея свободной сельской общины, сохранившейся в Византии вплоть до XIII—XIV вв. и позднее, провозглашена Ф.И. Успенским и поддержана его учениками и последователями. См.: Вин Ю.Я. Развитие теории византийской общины в трудах русских ученых: (70-е годы — конец XIX в.) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л., 1986. С. 97—116; Он же. Развитие теории византийской общины в трудах русских византинистов: (Первые десятилетия XX в.) // Социальные движения и развитие общественной мысли. М., 1981. С. 168—188. К аналогичным выводам пришли Ж. Руйар, Д.А. Закитинос и П. Харанис. См.: Он же. Поздневизантийская сельская община в освещении современной западной историографии // Критика концепций современной буржуазной историографии. Л., 1987. С. 195—196.

³ См.: Karayannopoulos J. Ein Problem der spätbyzantinischen Agrargeschichte // JÖB. 1981. Bd. 30. S. 207. Основную библиографию см.: Weiss G. Formen von Unfreiheit in Byzanz im 14. Jahrhundert // Actes du XIVe Congrès international des Etudes byzantines. Bucaresti, 1975. Vol. II. S. 292 u.a.

⁴ Ostrogorskij G. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954. P. 180; Angelov D. Zur Frage des Feudalismus auf dem Balkan im XIII. bis zum XIV. Jahrhundert // Études Historiques. Sofia, 1960. N 1. P. 114—115.

возрастания социально-экономической аренды обновлялась⁵. В XIII—XV вв. сущность парикии оказалась уже неадекватной характеру зависимости предыдущих столетий. В этот период понятие "парик" охватывало различные виды зависимости и прилагалось к абсолютному большинству рядовых обитателей села⁶. Ведущая тенденция социального развития поздневизантийской деревни состояла в нивелировке социально-экономического положения и укреплении зависимости крестьянства⁷.

В то же самое время в поздневизантийской деревне происходило формирование прослойки земельных собственников, занимавших промежуточное положение между основной массой крестьян и мелкофеодальными вотчинниками. Формирование этой прослойки являлось двусторонним процессом: с одной стороны, некоторой незначительной части крестьян удавалось сохранить и даже усилить свои экономические позиции, с другой — наблюдается распыление владений мелких вотчинников и их последующее окрестывание⁸. Сходство имущественного благосостояния и идентичных приемов хозяйствования зажиточных крестьян и мелких вотчинников скрывало принадлежность к названной прослойке. Скажем, ее представители могли подразумеваться под понятием "гоникарии". Но оно само по себе обозначало наследственных владельцев земли и прилагалось к различным группам жителей византийского села⁹. Помимо высоких экономических показателей, членам выявляемой прослойки присуща уплата налогов непосредственно государству и свобода передвижения, использование в хозяйствах труда обедневших односельчан, а также сословных атрибутов, например, обращения "кир", при отсутствии сословных привилегий¹⁰.

Во многих провинциях поздней Византии зажиточных обитателей деревни с давних пор называли "лучшими" и "икодеспотами" — "домоправителями"¹¹. Они образовывали прослойку крестьян, примыкавших по своему статусу к мелким феодальным землевладельцам. Однако от них представителей этой группы отли-

⁵ Хвостова К.В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980. С. 101, 128—129, 188—192; Она же. Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV—XV вв.). М., 1992. С. 56, 62 и др.

⁶ См.: Weiss G. Formen... S. 292 u.a.; Ahrweiler H. L'Histoire et la Géographie de la Région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081—1317) // VM. 1965. Vol. I. P. 40; Angold M. A Byzantine Government in Exile. L., 1975. P. 133—134; Werner E. Geburt einer Grossmacht — Die Osmanen (300—1481). B., 1978. S. 55; Laiou-Thomadakis A.E. Peasant Society in the late Byzantine Empire. Princeton, 1977. P. 245; Karayannopoulos J. Ein Problem... S. 235—236; Ducellier A. Les Byzantins. P., 1988. P. 163—164; Idem et al. Byzance et le Monde Orthodoxe. P., 1986. P. 352—353. Основную библиографию см.: Сметанин В.А. О статусе некоторых категорий париков в поздней Византии // ВВ. 1972. Т. 33. С. 7—8, примеч. 1.

⁷ Ср.: Сметанин В.А. Византийское законодательство (по Арменулу) и отражение его в актах // УЗ Пермского ун-та. Свердловск, 1966. Вып. 143. С. 102; Хвостова К.В. Миграционные процессы в среде поздневизантийских крестьян // ВВ. 1987. Т. 48. С. 21—22; Она же. Социально-экономические процессы... С. 64—65; Matschke K.-P. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. B., 1971. S. 241, 255; Ducellier A. Les Byzantins... P. 164.

⁸ См.: Сметанин В.А. Категории свободного крестьянства в поздней Византии // ВО.М., 1971. С. 84—85.

⁹ Среди точек зрения на природу "гоникариев" выделяется мнение П. Хараниса. См.: Charanis P. The Monastic Properties and the State in the Byzantine Empire // DOP. 1948. Vol. 4. P. 90; Idem. On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the Thirteenth Century and Later // BS. 1951. XII. P. 121, 142.

¹⁰ В отечественной медиэвистике основные принципы исследования описанной прослойки разработал А.И. Неусыхин. См.: Неусыхин А.И. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков. М., 1956. С. 21—22, 66—67, 392; Он же. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964. С. 34—37.

¹¹ MM. IV. 128—129, 147; VI. 153, 187; Zogr. N VII. 50.

чало социальное положение и происхождение¹². "Лучшие" и "домоправители" играли заметную роль в жизни села, органах его самоуправления¹³.

Важным фактором расслоения жителей поздневизантийской деревни служила принадлежность к духовенству¹⁴. Его статус способствовал усилению общественных позиций отдельных обитателей села¹⁵. В большинстве своем происходившие из крестьян лица духовного звания оставались в парической зависимости¹⁶. Вместе с тем, благодаря своему званию и образовательному цензу они приобретали авторитет среди односельчан¹⁷. Среди сельских приходских священников можно найти нотарию, на них возлагались административные полномочия, скажем — сакеллария или экзарха хориона¹⁸.

Многочисленную группу жителей поздневизантийского села составляли воины-стратиоты. Они не образовывали однородного слоя. Обширный разряд стратиотов формировали прониары¹⁹. Костяк сословия военных состоял из средних и мелких землевладельцев. По занимаемому общественному положению они приближались к низшим слоям господствующего класса²⁰. Незащищенность их владений иммунитетом ослабляла их социальные позиции. Выходцы из этой группы легко лишались своих привилегий, что благоприятствовало стиранию граней между ними и остальной массой мелких землевладельцев²¹.

¹² Ср.: *Charanis P.* On the Social Structure... P. 122—123; *Ostrogorsky G.* La commune rurale à Byzance // *Byz.* 1962. Vol. 32, fasc. I. P. 161—162; *Ahrweiler H.* L'Histoire... P. 40; *Oikonomidès N.* Contribution à l'étude de la pronoia au XIIIe siècle: une formule d'attribution de pariques à un pronoiaire // *REB.* 1964. Vol. 22. P. 166—167; *Мутафчиев П.* Войнишки земи и войници в Византия през XIII—XIV вв. // Списание БАН. София, 1923. Кн. XXVII, № 15. С. 523.

¹³ См.: *Вин Ю.Я.* Эволюция органов самоуправления сельской общины и формирование вотчинной администрации в поздней Византии // *ВВ.* 1982. Т. 43. С. 204—207, 208—210.

¹⁴ О сельских священнослужителях см.: *Ферјанчић Б.* Оглед о парохијском свештенству у позној Византији // *ЗРВИ.* 1983. Т. 22. С. 59—117. Многие крестьяне являлись членами приходского причта — дьяконами, анагностами, деверами и другими. Например, см.: *Lavra II.* N 104. 133; N 109. 348; *Xér. N* 18. B-5, 15; *MM.* IV.138, 196; V. 66, 67; VI. 228; *Esph. N* 14. 23—24; *Iber. A.* 303; K. 40; V. 29—30; *Chil. N* 19. 85—86; *Athèn. B².* 23, 343.

¹⁵ Так, зять иеромонаха Модена, священник Михаил Воркин сумел освободиться от уз парикии. См.: *Chil. N* 14, N 15. Подробнее см.: *Laiou Thomakidis A.E.* Peasant Society... P. 150; *PLP/Erst.von E.Trap u.a.* Wien, 1977. Bd. 2. N 2994.

¹⁶ См.: *Успенский Ф.И.* Социальная эволюция и феодализация Византии // *Анналы. Пг.*, 1922. Т. 2. С. 100; *Ангелов Д.* За зависимото население в Македония през XIV в. // *ИП.* София, 1957. Т. XIII, № 1. С. 39—40; *Ферјанчић Б.* Оглед... С. 87 и дал.; 105.

¹⁷ Священники и монахи нередко являлись составителями актов. См.: *BA.* N 33, 38, 79, 81 sqq.; *MM.* IV. 166; VI. 149—150, 196 sqq.; *Zogr.* N XIX. 22—23, 59; *Lavra II.* N 87. 24; *Hiéra.* N 13. 19—10. В компетенции сельских иереев и старцев находилось также решение вопросов об обителях, построенных жителями сел. См.: *Pant. N.* 6. 3—12.

¹⁸ *Esph. N* 8.44; *Iber.* V. 29—30 (См.: *Ibid.* S. 19); *Chom. N* 94. 409—410.

¹⁹ *Ostrogorskij G.* Pour l'histoire... P. 93 sqq.

²⁰ *Ahrweiler (Glykatzi) H.* La politique agraire des empereurs de Nicée // *Byz.* 1959. Vol. 28, fasc. 1. P. 58—59; *Eadem.* L'Expérience nicéenne // *DOP.* 1975. Vol. 21. P. 32; *Максимовић Љ.* Пронијари у Трапезундском царству // *Споменица Г. Острогорског.* Београд, 1974. Т. 1. С. 397—398; *Angold M.* A Byzantine Government... P. 125—126; *Bryer A.* The Estates of the Empire of Trebizond // *АП.* 1979. Т. 35. P. 421; *Laiou-Thomadakis A.E.* Peasant Society... P. 11, 142—143.

²¹ Ср.: *Ангелов Д.* Принос към поземлените отношения във Византия през XIII век // *Годишник на Софийския университет. Филос.-ист. фак-т.* София, 1952. Т. 47, кн. 2. С. 62; *Тивчев П.* За войнишкото население във Византия през XII в. // *Изследования в чест на Марин С. Дринов.* София, 1960. С. 572—576; *Мутафчиев П.* Пронията в Византия и отношението към военната служба // *Известия на историческото дружество в София.* София, 1924. Кн. 6. С. 4—5.

В поздневизантийскую эпоху, как и в предшествующие столетия, к сторожевой и воинской службе привлекались также рядовые крестьяне²². Так, в середине XIV в. власти рекрутировали париков хориона Завладий, зачислив их в ряды стратиотов²³. Как правило, социальный статус подобных париков-стратиотов оставался неизменным²⁴. Но, возможно, выполнению воинских обязанностей сопутствовали некоторые перемены реального общественного положения²⁵.

Предполагается, что радикальные изменения статуса рядовых обитателей села в поздневизантийском обществе были маловероятны. Их сдерживало ясно выраженное ограничение социальной динамики²⁶. Тем не менее, от столетия к столетию, социально-экономический облик села усложнялся. Глубокая поляризация его жителей воплотилась в сохранившихся актах. Они противопоставляют "меньшим" и "малым" "большим"²⁷. Упоминание последних, без сомнения, относится к зажиточным крестьянам, мелким вотчинникам, влиятельным священнослужителям, "лучшим" и икодеспотам, равно и мелким стратиотам. Социально-экономические процессы затрагивали положение членов каждой крестьянской семьи, внося изменения в статус отдельных ее членов. Например, члены семьи Гунаропулов на протяжении нескольких десятилетий с конца XII в. шаг за шагом теряли свою свободу и оказались под ярмом парикии²⁸. Даже в семьях стратиотов, таких как Планиты, некоторые сородичи опускались до состояния паричской зависимости²⁹. Иначе говоря, каждый житель села обладал собственным социальным статусом. А совокупность обитателей каждого села представляла собой по социальному составу сложное образование с присущими его членам состояниями зависимости, полузависимости и полусвободы и свободы³⁰.

В то же самое время население деревни не являлось простым конгломератом, механически объединявшим жителей села по месту расположения их жилищ и земельных владений. Значительную часть односельчан связывали родство и свойство, различного рода производственные отношения и проистекавшие из них отношения зависимости, круговая порука с податными обязательствами перед государством и господином, подчинение государственным и вотчинным органам управления, принадлежность к местному приходу. Словом большинство жителей села — в первую очередь, крестьяне различных категорий и мелкие земельные

²² См.: *Oikonomidès N.* A propos des armées des premiers Paléoloques et des compagnies de soldats // ТМ. 1981. Vol. 8. P. 356—357, 364; *Ferjančić B.* Quelques significations du mot stratote dans les chartes de Basse Byzance // ЗРВИ. 1982. Т. 21. С. 95—102.

²³ Грчке пов. № 21. 5—7, 18—24, 34—39.

²⁴ См.: *Zogr.* N XVI. 20—25, 35—41; *Lavra II.* N 109. 157—158. Паричский статус стратиота допускался законодательством рассматриваемого времени. См.: Армен. 1. 16—9.

²⁵ См.: *Острогорский Г.* Византийские писцовые книги // BS. 1948. Vol. IX. N 2. С. 287—292; *Idem.* Pour l'histoire... P. 112—122; *Ševčenko I.* On the Preface to a Praktikon by Alyates // JÖB. 1968. Bd. 17. P. 65—67.

²⁶ *Сметанин В.А.* О тенденциях идеологической и социальной динамики поздневизантийского общества в период перманентной войны // АДСВ. Свердловск, 1975. Вып 11. С. 104—105.

²⁷ Ср.: *Lavra I.* N. 14.10; MM. V. 280; VI. 47, 189; *Chil.* N 128. 20—21, 44—45; *Δωρατίτης.* Σ. 198.11.

²⁸ MM. IV. 13, 191 sqq. См.: PLP. Bd. 2. N 4383—4386; *Guillou A.* Economia e Società // La civiltà bizantina dal XII al XV secolo. Roma, 1982. P. 459—461; *Сметанин В.А.* Поздевизантийские проскафимены // Аграрная история эпохи феодализма. Ижевск, 1982. С. 11; *Zuckerman C.* The Dishonest Soldier Constantin Planites and Neighbours // Byz. 1986. Vol. 56. P. 324—325.

²⁹ См.: MM. IV. 70, 71. Ср.: *Ibid.* 66—69, 73, 79—80, 89. Также см.: *Charanis P.* On the Social Structure... P. 124—125; *Ostrogorский G.* Pour l'histoire... P. 80; *Zuckerman C.* The Dishonest Soldier... P. 314—319.

³⁰ Ср.: *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 185 и др.; *Bryer A.* The Estates... P. 414; *Idem.* Rural Society... P. 154.

собственники вплоть до мелкофеодалных вотчинников, скрепленное с ними тесными узами белое и черное духовенство, равно и лишенные привилегий стратиоты — потенциально составляли единое целое — сельскую общину.

Примерами могут служить сельские общины морейских хорионов Кипула и Полемиа. Их состав известен благодаря настенным надписям возведенных в второй половине XIII в. по инициативе и на средства местных жителей церковей Св. Бессеребренников и Св. Михаила³¹. Односельчане формировали приходы. Во главе прихожан хориона Кипула находилось сельское духовенство, включая иерея Иораса и его сына — анагноста и номика Илью. Согласно перечню пожертвователей с их супругами и детьми, община Кипула насчитывала до 27 человек³². Аналогичная картина предстает и в хорионе Полемиа. Число членов его общины превышало 30 человек. Наряду с приходом односельчан объединяли производственные и родственные отношения. О них косвенно свидетельствуют неоднократное совпадение родовых имен, прямые указания и упоминания о "братских" имуществах — земельных наделах и маслинах, пожертвованных церковью³³.

Таким образом, социальная неоднородность сельского населения в поздней Византии очевидна. Основной фигурой поздневизантийского села был парик. Парикия охватывала различные по своему содежанию виды подчинения государству и феодалу. Судьбы сельских жителей подтверждают возможность изменения ими своего социального статуса. Важное значение, с точки зрения оценки социальной структуры населения, имело образование прослойки зажиточных крестьян и мелких собственников, занимавших по своему положению место между рядовыми жителями села и феодальными землевладельцами. Эта прослойка формировалась из так называемых "икодеспотов" и "лучших", низовых рядов сельского духовенства, мелких вотчинников и стратиотов. Представителей характеризуемой прослойки отличало отсутствие сословных привилегий и двойственность общественного положения, что благоприятствовало сращиванию выходцев из указанных групп населения с остальной массой обитателей села. Их объединяли родство и свойство, соседские связи — производственные отношения, податные обязанности, местожительство и приход. Сложившаяся в поздневизантийской деревне система общественных отношений, несмотря на существенные различия социальных позиций односельчан, предопределяла взаимосвязанность большинства из них. Все выше названное позволяет утверждать — община, постольку, поскольку признается сохранение этой организации сельских жителей в поздневизантийский период, обладала сложной социальной структурой.

---

³¹ См.: *Freissel-Philippidis-Braat. Inventaires. N 55. 2—12; N 57. 3—10, 13—25; Kalopissi-Verti S. Dedicatory Inscriptions and Donor Portraits in Thirteenth Century — Churches of Greece. Wien, 1992. P. 35—36 etc., N 19, N 21a.*

³² Число донаторов (без членов их семей) — 11 человек. См.: *Kalopissi-Verti S. Dedicatory... P. 69.*

³³ Ср.: *Ibid. P. 73 — 74.*